
В. ВЖОСЕК

О ТРЕХ ТИПАХ ТЕНДЕНЦИОЗНОСТИ В ИСТОРИИ

Перевод с польского В. Г. Кульпиной

Целью нижеприведенного анализа является создание аргументации в пользу положения, гласящего, что не существует аксиологически невинного исторического дискурса. Этот процесс разбивается на три поэтапных шага, и в этих рамках я рассматриваю так называемую культурную, метафорическую и случайную тенденциозность исторического мышления.

По мнению Рейнхарда Коселлека, это Хладениус первым счел тенденциозность истории ее неотъемлемым свойством. Более того, он полагает, что Хладениусу удалось найти этому доказательства. Его заслугой, согласно Коселлеку, является приравнение роли историка к роли непосредственного свидетеля формирования картины прошлого и внедрение в рефлексию над историей идеи точки зрения, которая выражает разные истины, вытекающие из различий опыта (Koselleck 2001: 202). Коселлек цитирует Хладениуса:

«Из понятия точки зрения вытекает, что люди, которые рассматривают какой-либо вопрос с разных точек зрения, должны также иметь различные представления по этому вопросу (...); “quod capita, tot sensus” (Chladenius 1742, cyt. za: Koselleck 2001: 204). Я, в свою очередь, до сего дня полагал, что автором, который отвел историку роль критического интерпретатора авторитета источника, в том числе авторитета непосредственного свидетеля, был Джамбаттиста Вико. В свое время меня убедил анализ Коллингвуда, содержащийся в его «Идее истории» (The Idea of History) (Wrzosek 1998: 411–417). Как бы там ни было, во взглядах как Вико, так и Хладениуса мы находим современный взгляд на историю. Другой вопрос – распространен ли он настолько, чтобы его можно было считать важным или общепризнанным в рефлексии над историей.

История и современность, № 2, сентябрь 2007 61–78

Правильным представляется мнение Коселлека о том, что взгляды Хладениуса отличались от нынешнего наивного реализма и в вопросах познания выражали позицию умеренного реалиста.

Я исхожу из того, что до сих пор актуальным остается диагноз немецкого философа: «Современная историческая наука стоит перед лицом двух взаимоисключающих требований: создания истинных высказываний и декларирования и принятия во внимание относительности таких высказываний» (Koselleck 2001: 194).

Как у Вико, так и у Хладениуса мы находим импульсы к выделению проблемы тенденциозности/нетенденциозности и к рассмотрению в этом контексте вопроса об аксиологической нейтральности истории.

О трех измерениях «тенденциозности» исторического дискурса: культурном, метафорическом и «случайном»...

О культурной «тенденциозности» исторического мышления

Каждое относительно разветвленное¹ (Wrzosek 1990a) историческое высказывание возникает в определенной культуре, в данное историческое время, в конкретную эпоху. Оно возникает на основе спонтанно принимаемых во внимание или осознанно воспринятых стилей/стандартов исторического мышления или/и исследования.

Положение 1.1: Мышление о прошлом зависит от имеющего хождение в данный период времени представления об историческом порядке, которое, в свою очередь, зависит от актуального видения культурного порядка.

Это видение исторического порядка является результатом компромисса между нынешним видением культурного порядка и традиционной, унаследованной картиной исторического порядка, компромисса между тем, что является актуализирующим в мышлении о культуре и о прошлом, и унаследованными от него образцами исторического мышления. Вышеупомянутый компромисс реализуется в стихийном диалоге между коллективной памятью, исторической традицией, историографией и живыми метафорами куль-

¹ Относительно разветвленная – то есть такая, о которой можно сказать: чем является и каково это Нечто, о котором идет речь, то есть такое высказывание, которое исчерпывает структурные признаки интерпретации: в нем можно выделить интерпретанс и интерпретандум (интерпретируемую и интерпретирующие части).

туры. Он является компромиссом в конформистском, консервативном, стабилизирующем варианте в случае, когда он сильно отягощен наследием прошлого, или же он является прогнозирующим компромиссом с ориентацией на современность, на актуальное видение культурного порядка. «В любую эпоху нужно заново предпринимать попытки изъять традицию у конформизма, который хотел бы над нею возобладать...» (Benjamin 1996: 416).

Уже на этом уровне, то есть на уровне восприятия культурных изменений в историческом мышлении, решается вопрос о том, имеем ли мы дело с компромиссом в пользу прошлых смыслов или на благо новых смыслов, получают ли относительный перевес элементы продолжения или, напротив, прерывания, дисконтинуации?

Уже на этом уровне, то есть на уровне культурных изменений, решается вопрос о том, имеем ли мы дело с защитой традиционных или современных ценностей, со стандартной или с нестандартизированной, с упорядоченной предшественниками или с неупорядоченной версией прошлого. Результатом такого положения вещей является обращение к минувшим, традиционным ценностям или к ценностям, популяризируемым в новое время.

Этот основной культурный ориентир, этот тип происходящих в культуре изменений осуществляет отбор определенного видения исторического порядка, ставя его выше других. И таким образом предопределяется также отношение к ценностям. В пределах нового культурного порядка возникают новые типы видения исторического порядка (которые, можно сказать, в нем же и содержатся), в результате чего возникают новые картины прошлого, то есть новые исторические картины. Более того, историография не в силах защитить себя от такого рода притязаний культуры на сохранение своей наивно-романтической невинности, то есть веры в свою сверх-, надкультурную аксиологическую нейтральность (в том числе – эвентуально – в надкультурную истину).

Несколько эксплицирующих комментариев

Историческое мышление является органической составной частью культуры. Тем самым оно всегда является «высказыванием» данной культуры по поводу своего прошлого (Wrzosek 2005: 11–16).

Таким образом, историческое мышление не является аксиологически нейтральным, потому что оно обременено природой, атмосферой и настроением культуры, в пределах которой оно зарождается.

Эта глубокая зависимость предопределяет то, что история при таком понимании является релятивистским дискурсом. Прирожденным свойством исторического мышления, в том числе и историографии, является как минимум именно такой культурный релятивизм. Ведь история всегда является «тенденциозным» высказыванием какой-либо актуальной культуры по поводу другой (в данном случае – прошедшей) культуры.

Более того, исследующая культура объективизирует принятое в ней видение культурного порядка (Pałubicka 2006: 69–88)², узаконивает его посредством санкции Истины, которая является историческим воплощением транскультурной ценности. При этом Истина является одновременно продуктом данного культурного порядка и вместе с тем как бы его внешней легитимизацией. Истина является своего рода независимой Инстанцией, нейтральным Арбитром и – более того – одновременно продуктом мира, в отношении которого ей вменяется роль важнейшей точки отсчета. Отсюда истина также в каком-то смысле культурологически тенденциозна.

Между исследующей культурой, в нашем случае настоящим, и исследуемой культурой имеет место отношение культурного «приписывания» (Wzosek 1995: 13–24; 2006: 35–39; 1994a). Первая из них, представленная историографией, вносит в исследуемый мир фундаментальные метафоры своего миропонимания, которые выкраивают из прошлого определенное поле ее видения. Исследующая культура ставит перед прошлым вопросы, в основе которых – своеобразное *datum questionis* исследующей культуры в отношении исследуемой. Через такие вопросы, ставящиеся исследующей культурой, выявляются элементы очевидного для исследуемой культуры порядка прошлого, которой приписываются основные свойства, придающие ей своеобразную реальность. Формирование очертаний этой культуры осуществляется прежде всего за счет логики, из которой исходит исследующая культура, и элементарных экзистенци-

² Развитие идеи из работы этого же автора: Pałubicka 1990: 33–69; и ее же: Pałubicka 1998.

альных предложений. С помощью последних выявляется, что именно, согласно исследующей культуре, существует и как существует, очерчиваются своего рода границы внутреннего реализма, культурное измерение того, что является объективным. Как следствие формируется способ возможного восприятия понимаемого таким образом мира, то есть фактически принципы и методы источникового обоснования утверждений об исследуемом мире.

Итак, подытожим наши констатации. В действующем в настоящий момент видении культурного порядка предпочтение отдается тенденциозно очерченному видению исторического порядка, при этом, в частности, «продвигаются» определенные картины прошлого, течения в историографии, формы и содержание коллективной памяти.

Эти последние, то есть коллективная память и историография, представляют собой семантический фундамент современной культурной коммуникации. В свою очередь, культурная коммуникация отдает приоритет тем картинам исторического порядка, которые благоприятствуют доминирующим в сфере культурной коммуникации ценностям и их актуальным воплощениям. Так происходит потому, что память прошлого участвует в формировании нынешних смыслов культуры (Wrzosek 2005: 16).

Метафорическая тенденциозность исторического дискурса

Тезис 1.2: «...понимание творческой роли науки всегда связано с пониманием метафоры, а понимание метафоры имеет принципиальное значение для понимания всех типов культурных изменений» (Barnes 1974: 92). Я с одобрением привожу мнение Барри Барнса, которое позволяет взяться за установление связи между тенденциозностью настоящего в отношении прошлого, которую я называю культурной тенденциозностью и «тенденциозностью исторических метафор»³.

Видение исторического порядка, содержащееся в коллективном сознании и реализующееся в первую очередь в историографии, может быть представлено с помощью базовых понятий, называе-

³ Идея исторической метафоры экспонировалась мною в работах: Wrzosek 1994b, а также 1997: 71–75; 1995: 13–37.

мых мною историографическими метафорами. Историографические метафоры – это понятийные эквиваленты архетипов, символических парадигм или же стереотипов мышления. Те из них, которые несмотря на то, что подвергаются преобразованиям во времени и все же остаются гарантом тождественности истории со времен ее появления и до сего дня, я называю фундаментальными метафорами. Эти метафоры, то есть основные идеи и категории исторического мышления, предопределяют то, что дискурс носит именно исторический характер. Они выступают в разных воплощениях в нарративах, которые мы определяем как исторические.

Итак, отметим, что фундаментальные метафоры исторического мышления – это идея генезиса, называемая также – не без оснований – генеалогической, и идея изменения (движения, развития, становления, как ее определяют) (Nisbet 1971). Эти своеобразные исторические *roots metaphors* – исконные метафоры – незаменимы. Им сопутствуют другие метафоры, консолидированные с ними в сеть понятийных связей. Вместе они образуют понятийный порядок, характерный для данной версии исторического мышления. С одной стороны, они вносят вклад в семантизацию фундаментальных метафор в их конкретно-историческом употреблении, дополняя их за счет других аспектов порядка исторического мира. Историографические метафоры братаются с мировоззренческими ценностями – для одних загадочным образом, для других – очевидным или более или менее очевидным. Это благодаря им некоторые интерпретационные концепции сводятся на нет; их не берут в расчет, ибо они не входят в «поле общих ассоциаций» метафор и ценностей. Тем самым в свете избранной понятийной ориентации делается невозможным разглядеть и высказать поддержку незримым ценностям или, напротив, незримыми становятся некоторые формы исторического порядка как следствие проявления прочно сформировавшихся ценностей.

Метафора генезиса как микроисториософия

Понятие генезиса является идеей с богатым, можно сказать, неисчерпаемым смыслом. Ее прочное присутствие в историческом дискурсе доказывает, что эта идея оказалась для культуры дина-

мичным, открытым и усвоенным понятием. Метафора генезиса способна была к таким изменениям своего исторического смысла, в результате чего она не была предана забвению или преобразованию в мертвую метафору; ее семантика не подверглась ни отчетливой стандартизации, ни банализации, ни догматизации. Разумеется, я имею в виду ее присутствие в мире понятий культуры в целом, в том числе также в историографии, что равнозначно с тем, что в определенных историографических направлениях ее смысл мог в какой-то мере подвергаться стандартизации или – в некоторых ее ипостасях – банализации.

Несколько пояснительных комментариев

Идею генезиса я характеризую небескорыстно, особо экспонируя те ее признаки, которые соответствуют идее генезиса в том виде, в каком она присутствует в классической историографии. Вот они, эти признаки.

Во-первых, ни в одном дискурсе метафора генезиса не играет столь конститутивной роли, как в историческом дискурсе. Ее употребление в повествовании служит своего рода доказательством ориентации данного высказывания или дискурса на историческое мышление либо всего лишь является знаком исторической аргументации.

Во-вторых, эта идея – в силу своего присутствия в конкретном дискурсе – является симптомом типа мышления, с которым мы имеем дело. Метафора генезиса является пробным камнем качества исторического порядка; для истории это ключевое понятие, ее своеобразная историософия. Кроме того, ее применение в определенных ракурсах знаменует собой историософский подход, богатый методологическими результатами. Ведь из нее вытекают соответствующие способы исторического познания и исследования, в том числе – в особенности – его эмпирическое измерение, так называемая источниковая база.

В-третьих, идея генезиса в своей исторически конкретной семантике обнаруживает ориентацию на другие узловые категории исторического мышления, такие как порождение, порождающая сила, детерминирование, природа порождаемого мира и т. п. Генезис выражает вид порождаемого мира и устанавливает онтологию

порождаемых сущностей. Он подразделяется на порождающее и порождаемое и означает то, из чего историческое состояние вещей зародилось, было порождено, возникло (появилось, стало существовать и т. п.), а также то, что именно было порождено, появилось и т. д. Кроме того, генезис очерчивает сферу темпоральности и дискретности порождаемых состояний вещей и акта порождения (о связях идеи порождения с идеей времени см.: Wrzosek 1992; 1990b; Reichenbach 1956). В этом смысле анализ генезиса позволяет нам получить ориентацию относительно основных составляющих исторического порядка.

В-четвертых, идея генезиса влечет за собой идею изменчивости или же становления, ведь от характера первой зависит видовость второй.

В-пятых, идея генезиса антропоморфична, ее семантика явным или скрытым образом обращена к идее зарождения, порождения. Явным образом – в том случае, когда она выражается именно с помощью этих последних терминов. Когда историк предполагает порождение в биологическом или антропоморфичном смысле, он ищет для конкретного состояния вещей «порождающее» его, потому что в «предках» хочет обнаружить черты «потомков». Так происходит потому, что сторонник понимаемого таким образом генезиса предполагает, что порождаемое явление «наследует от своих предков» существенные черты, как потомство от родителей. При таком понимании порождение предполагает перенос черт порождающих явлений на порождаемые. По сути, историк ищет в мире – до возникновения явления, интерпретируемого в генетическом плане – такие признаки, которые для данного явления он сам рассматривает как конститутивные (Werner 2004: 187).

В-шестых, в качестве порождающего фактора историк может рассматривать порождающую силу человекоподобного субъекта, его волю и способность быть причиной чего-либо. И тогда этот субъект порождает явления, например, действия и события. Таким субъектом может быть человек из плоти и крови, им может быть Бог, а может антропоморфизированный субъект-деятель: нация, государство, монархия, династия, парламент, Франция, тюрки, династия Ягайло, народ, протестанты и т. п.

В-седьмых, идея генезиса принимает вид таинственной связи в том случае, если она отождествляется с биологическим порождением или с сильной связью, к примеру, при ее каузативном понимании. В этом последнем случае порождающее выступает как причина, а порождаемое – как результат; таким же образом генезис достаточно повсеместно понимается в его новых и новейших преломлениях как своего рода причинно-следственная связь (Grunbaum 1963 [раздел 7, в котором представлен спор автора с Райхенбахом об отношении между временем и причинно-следственной связью]; Wrzosek 1992; 1995: 109–112).

В-восьмых, идея генезиса связана с обыденно-практической или метафизической идеей начала. Она удовлетворяет устремлениям здравого разума или влечет за собой метафизическую уверенность в ожидаемом ответе на вопрос: откуда ЭТО взялось или каковы были истоки ЭТОГО? (Werner 2004: 187.)

В-девятых, функционирование исторического нарратива в генетическом плане имеет свою античную родословную и служит упорядочиванию действительности, что позволяет представить ее с момента появления, возникновения чего-либо и вплоть до ее целевого назначения, финала. Идея генезиса, начала, сопряжена с идеей телеолога, то есть конца (Romian 1984: 40). Обе эти идеи придают истории смысл и в то же время привносят своеобразную драматургию, порядок во все, что появляется попутно⁴. А теперь давайте рассмотрим конкретную работу метафоры генезиса в наиболее известной, укоренившейся в коллективном сознании картине исторического порядка. Речь идет о (так мною названной) классической историографии, которую определяют также как традиционную. Обычно это политическая история, кроме того, событийная, называемая французами *événementielle* (перечень исторических событий), а Коселлеком – *Ereignisgeschichte* – событийная история. Ей даются также названия фактографической, нарративной, повествующей, индивидуалистской, героико-баталистической и т. п. Заметим, что классическая политическая историография повсеместно отождествляется с историей *tout court* (всего лишь). Именно на базе

⁴ Эта сопряженность может пониматься как реализация аристотелевской причины как цели в случае, когда историческое становление понимается как реализация будущего смысла (см.: Wrzosek 1995: 111).

этой дисциплины формируются повсеместные представления о прошлом и об историографии.

Из-за нехватки места приведу лишь два признака метафоры генезиса, названные в пятом и шестом пунктах, поскольку они связаны с идеей порождающей силы и с ассоциирующимся с нею понятием антропоморфического характера генезиса, применяемым в классической историографии.

Единый порождающий субъект как воплощение идеи *homo politicus*

Субъектом, порождающим историю, в классической историографии является Единый порождающий субъект – названный так мною. Им может быть конкретный человек из плоти и крови, с именем и фамилией, то есть обычно личность, играющая особую историческую роль: монарх, вождь, законодатель, религиозный реформатор, политик и т. д. Кроме того – что знаменательно – им бывает также порождающая личность (*Handlungseinheit* – «действующая единица» Коселлека) такого типа, как, например, Франция, народ, дворянство, протестанты, Римская империя, турки, евреи, Габсбурги и т. п. Все эти субъекты, в том числе и такие, как Бог или боги, рассматриваются историками по образцу человеческих личностей. Состояния вещей, генерируемые данными порождающими субъектами, образуют материю истории. В результате их воздействия в нарративах классической историографии преобладают феномены, которые являются: или (1) обстоятельствами, в которых доводится действовать Единым порождающим субъектам, или (2) самими действиями, или же (3) результатами этих же действий, то есть событиями. Остальные явления представляют собой для них антураж. Отсюда в понимаемой таким образом событийной исторической действительности связующим звеном является связь через порождение. Ведь чтобы составить из событий, человеческих действий осмысленный рассказ, необходимо сплести из них ряды линейных зависимостей, которые образуются за счет того, что, как пишут историки, одно «порождает», «вызывает» другое, «приводит к...», «вызывает к жизни», «является причиной» второго, следующего...

Гуманитарная интерпретация как средоточие ценностей

Действия Единичных порождающих субъектов означают в результате создание событий. Смысл исторических событий берется – согласно историкам – из замысла этих субъектов. Это конкретные мотивации, намерения субъектов становятся источником смысла действий или/и их результатов. Это их убеждения и желания подталкивают субъекты к определенным действиям. Это их знания о мире, в котором они действуют, а также их предпочтения в плане методов и целей деятельности обуславливают осуществляемую ими деятельность. Мышление и восприятие субъектов воплощаются в предпринимаемых ими действиях.

В результате историческая интерпретация в классической историографии является анализом субъектов, потому что смыслы в событийной действительности формируются за счет порождающих их актантов, Единичных порождающих субъектов. Таким образом, в исторических интерпретациях субъектов преобладает субъективно-рациональное порождение, поскольку это сознательные, рациональные субъекты ответственны за порождающие историю акты. Поэтому правильно говорят, что фактографически ориентированный классический историк отвечает на вопросы Кто? Что? Где? и Когда? Ответом на них является пространственно-временная локализация исторических событий, представленных в субъектном плане.

Классический историк или его стихийный последователь, исходящий из здравого смысла, интерпретирует прошлое в упорядоченном таким вот образом субъектном, событийном историческом порядке. Он погружается в системы ценностей Единичных порождающих субъектов, участвующих в формировании мотиваций, намечает цели и методы достижения этих ценностей. Историк приписывает им – в рамках интерпретации – принятие во внимание определенных ценностей, то есть целей и методов, которые, по его мнению, выдвигались, приоритетов и дилемм, перед лицом которых оказывались. Более того, историк вынужден «корректировать» смысл действий, намечавшихся историческими субъектами, с учетом тех, которые были реализованы. Кроме того, как бы дополнительно он вынужден сопоставлять их с ценностями, важными для других актеров исторической сцены.

В результате классический историк и мы вслед за ним погружаемся в действительность, заполненную ценностями/целями и способами их достижения, из которых исходят люди из плоти и крови и, более того, также воплощаемыми в действительность очеловеченными историческими сущностями. Эти последние, как и люди, нацелены на выполнение своих намерений во имя разных устремлений. Поэтому историк интерпретирует государственные интересы России, династические цели Ягайло, недовольство народа, планы Германии, опасения католиков, измену Венеции, неустойчивость Австро-Венгрии, интриги Габсбургов, сопротивление народа, самоотверженность шляхты и т. д. Заметим при случае, что историк, таким вот образом определяя и называя действия этих субъектов, демонстрирует этим то, что он их непосредственно антропоморфизует⁵. Следуя за этими субъектами истории, историк погружается в ценности. Среди этих действий он производит отбор, дает им название, соотносит с другими, иерархизирует, а случается – что и оценивает.

Классическая историография является гуманитарной наукой в полном смысле, потому что она гуманизирует (антропоморфизует, персонифицирует) даже такие исторические сущности, которые, бывает, по ее же мнению, человеческими не являются. Она субъективизирует их, снабжает гуманитарным коэффициентом (Znanięcki 1922: 33; 1968: 37), превращая в гуманитарные сущности.

Такого рода процессы чреватые последствиями: принятие в качестве основы исторического мышления своеобразного понимания формирования истории как порождения ее Единичными порождающими субъектами приводит к погружению истории в ценности.

Вот пример такой процедуры.

В ситуации, когда таким доминирующим в историческом нарративе порождающим субъектом является польский, французский или немецкий народ, в силу обстоятельств на первый план в национальной истории выдвигается народ, избранный историком. В центр внимания выдвигаются его судьбы. Данная национальная история есть его история. И, таким образом, в результате героем

⁵ Смысл этой непосредственной антропоморфизации анализируется в: Wrzosek 1995: 117–121.

повествования (случается, что и главным) является – если использовать терминологию антропоморфизма – жизнь народа начиная с обстоятельств его зарождения (генезиса) и на протяжении столетий его существования. Таким образом, неудивительно, что если историк сделал такой выбор, то именно судьбы данного народа являются основной темой исторического повествования. Отсюда для историка принципиально важными являются национальные цели, интересы, аргументы и ценности отдельного народа. Другие герои истории, например другие народы, народы-соседи, государства, династии, племена, заняты на второстепенных и третьестепенных ролях, выступают как статисты... Бывает, что они вообще не задействованы в этом спектакле. Их национальные приоритеты, цели, интересы и ценности в силу такого выбора пребывают – самое большее – на втором плане.

Полагаю, что так происходит потому, что национальная история уже по определению является этноцентричной историей, то есть, иными словами, она является национально тенденциозным дискурсом. Причем тенденциозным не непосредственно по мировоззренческим, идеологическим или политическим причинам, но по причинам принципиального характера. Такая история ставит перед собой задачу нарратизации судеб того или иного Единичного порождающего субъекта, данного конкретного народа. Она национально тенденциозна не потому, что конкретный историк настроен патриотически или политически, но потому, что он занимается данным жанром исторической словесности, который тенденциозен по своей природе.

Более того, из вышеприведенного анализа вытекает, что не только национальная историография, но и классическая политическая история тенденциозна «по своей природе». Ведь она отдает предпочтение метафорам, которые побуждают к рассмотрению субъектов истории как человекоподобных существ, благодаря чему происходит гуманизация («очеловечивание») описываемой действительности. В результате историография оказывается погруженной непосредственно в ценности, в так называемые прозаические, заземленные, каждодневные, рутинные приоритеты, а также в ценности высшего порядка – национальные, государственные, мировоззренческие, идеологические и политические (Paľubicka 2005: 32).

Кроме того, классическая историография – это, как мы знаем, прежде всего политическая история, поэтому присутствующие в ней Единичные порождающие субъекты – это прежде всего политические субъекты, созданные по образу и подобию человека, понимаемого как *homo politicus*. В их сфере распространения преобладают действия, квалифицируемые как политические, иначе говоря, они не принимались бы в расчет историком, если бы их жизнь и деятельность не были релевантны с политической точки зрения.

Метафора человека – творца политических событий, выражающаяся в концепциях Единичных порождающих субъектов, – это важный аспект идеи генезиса, присутствующей в классической историографии. Ее смысл предопределяется, хотя не исчерпывается глубокой погруженностью в ценности основанного на ней исторического мышления.

И нет спасения от этой исторической тенденциозности. Ведь невозможно убежать от собственной культуры, ее актуального состояния в какой-то мир вне ее. Невозможно приостановить свое участие в культуре и в ее конкретных ответвлениях и воплощениях. Невозможно заниматься историей, не принимая во внимание фундаментальных метафор, формирующих ее тождественность. Невозможно быть историком, не применяя историософских и методологических принципов историографии. Таким образом, невозможно абстрагироваться от культурной и метафорической тенденциозности исторического дискурса.

Случайная тенденциозность

Сторонники обыденного мнения о тенденциозности обычно обнаруживают проблему культурной и метафорической тенденциозности исторического мышления. В каком-то смысле они поступают правильно. Ведь такой тенденциозности невозможно избежать. Как я это понимаю и как это понимают многие размышляющие над этими вопросами, начиная с Лукиана и обращаясь к Ранке, обстоятельства, обуславливающие культурную и метафорическую – можно сказать в сокращении, культурную – тенденциозность, неизбежны, они существуют относительно независимо от историка. Даже если историк отвергнет фундаментальные метафоры классической историографии, то и в этом случае он останется в кругу историографических метафор, например тех, которые мета-

форизируют прошлое на основе неклассических метафор генезиса и развития и окружающих их (переплетающихся с ними) новых метафор. Анализ метафорики этой неклассической историографии показывает, что историк остается сторонником новых воплощений историографических метафор, которые и так остаются в симбиозе с новыми воплощениями старых ценностей или с новыми ценностями. Связь метафорики с ценностями в неклассической историографии как бы менее заметна, чем в классической историографии, что не означает, что эта связь не существует в закамуфлированном виде. Это позволяет многим сторонникам новой ориентации провозглашать ее нетенденциозность, объективность, научность. Они считают, что благодаря возникновению новой истории она проделала путь от *lettre* к *science*, что понимается, в частности, как переход от истории, погруженной в ценности, к истории, свободной от таковых.

По своей сути неклассическая историография не свободна от культурной тенденциозности, а проводниками мировоззренческих ценностей являются «новые метафоры». Перспектива непосредственной антропоморфизации заменяется опосредованной антропоморфизацией, событийная действительность – процессуальной, причинно-следственные связи – функциональными связями и т. д. Тем не менее культурная (метафорическая) тенденциозность не отвергается.

Если, как я говорю, культурная тенденциозность неизбежна, так в чем проблема? Проблема в том, что, с одной стороны, мало кто сейчас поддерживает постулат о нетенденциозности истории (особенно в ее наивно-романтическом варианте, то есть предполагающем веру в возможность достижения чистой, универсальной, единственной истины), тем не менее никто не отрешивается от стремления к ней. Если история не является нетенденциозной, значит, она необъективна, то есть тенденциозна. Если же, в свою очередь, многие историки пренебрегают культурной тенденциозностью, тогда о какой тенденциозности может идти речь? Таким образом, какой тенденциозности историографии мы противопоставим?

Сторонники положения о тенденциозности истории полагают, что связь историографии с ценностями устанавливается на уровне конкретных умозаключений и интерпретаций исторических событий, явлений или процессов. И эта тенденциозность зависит в значительной мере от решения историка, является вопросом его убеж-

дений, выбора. Согласен, что часто так получается, что историк является сторонником конкретного мировоззренческого, идеологического или политического смысла, то есть исторических фактов. Политически ангажированный историк часто видится таковым другому историку, бывает тенденциозному в противоположном плане, при этом сам он таковым себя не считает, поскольку свои нормативные постулаты считает описательными. Отсюда споры относительно интерпретации, в которых обе стороны убеждены в объективности своих постулатов.

Постулат 1.3. Случайная тенденциозность историка предопределяется использованием исторически и культурологически партикулярной квалификации смысла исторического явления, что приходит в несоответствие с миром принимаемых им во внимание (используемых им) историографических метафор.

В результате историк случайно тенденциозный пребывает в несогласии с применяемой им методологией и методикой исторического исследования. Тенденциозный нарратив в третьем смысле – это такой, который форсирует интерпретации, показывая отсутствие взаимоувязанности между требованиями аргументации, вытекающими из силы и смысла историографических метафор, а фактически – из применяемой аргументации. В результате квалификация смысла исторических явлений не следует из сложившегося видения исторического мира, но вытекает непосредственно из мировоззренческих ценностей. Такой нарратив предстает перед историком именно как аисторический, политический, тогда как в обосновании предпринятых интерпретаций, предстающих часто как разовая аргументация, интерпретатор пользуется соотношением с актуальными на данный момент ценностями культурной, политической группы. Мы определяем ее как презентистическую или адаптационную (Wrzosek 1990a; «...кем проникается летописец историзма? Ответ неизбежно будет следующим: победителем. Ведь господствующие всегда являются наследниками всех тех, кто победил. Таким образом, когда проникаются победителями, это идет на пользу именно господствующим» [Benjamin 1996: 417]). Такого типа интерпретация противостоит исторической в той же мере, в какой интерпретация критика искусства противостоит интерпретации теоретика и историка искусства.

Таким образом, вопрос не сводится просто к тому или иному осознанному мировоззренческому (политическому) видению исто-

рика или более или менее решительному отвержению такого видения. Поверхностный смысл исторического нарратива не предопределяет той или иной принципиальной мировоззренческой принадлежности исследователя. Более того, это видение может скрываться за риторикой, манифестирующей ценности, часто не соответствующие исповедуемому глубокому видению исторического мира. (В качестве примеров анализа, при котором проявляются такие ситуации, см.: Zybertowicz 1990.)

Литература

Benjamin, W. 1996. *Aniol Historii. Eseje, szkice, fragmenty* / wyd. i opracowanie H. Orłowski. Poznań: Wyd. Poznańskie.

Koselleck, R. 2001. *Semantyka historyczna* / tłum. W. Kanicki. Wybór i opracowanie H. Orłowski. Poznań: Wyd. Poznańskie.

Pałubicka, A.

1990. *Kulturowy wymiar ludzkiego świata obiektywnego*. Poznań: Wyd. Naukowe UAM.

1998. Narodziny nowoczesnego pojmowania obiektywności. *Świat Historii. Prace z metodologii historii i historii historiografii dedykowane Jerzemu Topolskiemu z okazji siedemdziesięciolecia urodzin* (s. 363-374) / pod red. W. Wrzosek. Poznań: Wyd. Instytutu Historycznego UAM.

2005. Myślenie spontaniczno-praktyczne i pojęciowe a problem wartości. W: Pałubicka, A., Dominiak, G. A. (red.), *Aksjologiczne źródła pojęć*. Bydgoszcz: Oficyna wydawnicza Epigram.

2006. *Myślenie w perspektywie poręczności a pojęciowa konstrukcja świata*. Bydgoszcz: Oficyna Wydawnicza Epigram.

Reichenbach, H. *The Direction of Time*. Berkeley and Los Angeles, 1956.

Werner, W. 2004. *Kult Początków. Historyczne zmagania z czasem, religią i genezą*. Poznań: Wyd. Poznańskie.

Wrzosek, W.

1990a. Interpretation of Human Acts. Humanistic Interpretation. W: Buksiński, T. (red.). *Interpretation in the Humanities*. Poznań.

1990b. In Search of Historical Time. An Essay on Time, Culture and History. In Topolski, J. (ed.), *Narration and Explanation. Contributions to the Methodology of the Historical Research* (seria *Poznań Studies in the Philosophy of Sciences and Humanities* 41). Atlanta – Amsterdam.

1992. Uzurpacje fizykalistyczne w badaniach nad czasem. *Studia Metodologiczne* 27.

1994a. The Problem of Cultural Imputation in History Relations Between Cultures versus History. W: Topolski, J. (ed.), *Historiography Between Mod-*

ernism and Postmodernism. Contributions to the Methodology of the Historical Research (seria *Poznań Studies in the Philosophy of Sciences and Humanities* 41). Atlanta-Amsterdam.

1994b. Metamorfozy metafor. Historiografia nieklasyczna w kręgu epistemologii historii. *Historyka*. T. 24.

1995. *Historia – Kultura – Metafora. Powstanie nieklasycznej historiografii* (seria *FNP*). Wrocław: Leopoldinum.

1997. Metafory historiograficzne w pogoni za ułudą prawdy. *Polska Sztuka Ludowa. Konteksty. Antropologia kultury – Etnografia – Sztuka* 1–2.

1998. Losy źródła historycznego (refleksje na marginesie idei R. G. Collingwooda). *Świat Historii. Prace z metodologii historii i historii historiografii dedykowane Jerzemu Topolskiemu z okazji siedemdziesięciolecia urodzin* / pod red. W. Wrzoska (s. 411–417). Poznań: Wyd. Instytutu Historycznego UAM.

2005. Czy historia ma przyszłość? W: Dominiak, G. A., Ostojka-Zagórski, J. i Wrzosek, W. (red.). *Gra i konieczność. Zbiór rozpraw z historii historiografii i filozofii historii*. Bydgoszcz: Oficyna Wydawnicza Epigram.

2006. Imputacja kulturowa jako fundament myślenia historycznego. W: Kujawska, M., Jewsiewicki, B. (red.). *Historia – Pamięć – Tożsamość. Postaci upamiętniane przez współczesnych mieszkańców różnych części Europy*. Poznań: Wyd. Instytutu Historycznego UAM.

Znaniecki, F. 1922. *Wstęp do socjologii*. Poznań.

Zybertowicz, A. 1990. *Między dogmatem a programem badawczym. Problemy stosowania materializmu historycznego we współczesnej historiografii polskiej*. Warszawa: PWN.

Barnes, B. 1974. *Scientific Knowledge and Sociological Theory*. London.

Chladenius, M. J. 1742. *Einleitung zur richtigen Auslegung vernunftiger Reden und Schritten*. Leipzig. (Przedruk – hg. von L. Geldsetzer. Düsseldorf, 1969.)

Grunbaum, A. 1963. *Philosophical Problems of Space and Time*. New York.

Nisbet, R. L. 1971. 'Histoire la sociologie et les révolutions. *L'Historien entre l'ethologue et le futurologue. Actes du séminaire internationale pour la Liberte de la culture*. La fondation Giovanni Agnelli et la fondation Giorgio Cini. Venise, 2–8 avril.

Pomian, K. 1984. *L'orde du temps*. Paris.

Znaniecki, F.

1922. *Wstęp do socjologii*. Poznań.

1968. *The Method of Sociology*. New York.